

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30... 77, 80, 83, 87, 90

Инквизитор прославленной улицы

«Дальше, по левой же стороне, — дача, верней сказать — дом-усадебка Леонида Максимовича Леонова, потому что земельный участок, соток так пятнадцать-двадцать, подарен ему советским правительством, и все построено на нем самим Леоновым, на личные средства»...

Тут опять в обход дачи и участка Салынских-Тевекелян примыкает земля, на которой прозаик Василий Смирнов, исполняя, вместо Александра Фадеева, обязанности генерального секретаря Союза писателей СССР, построил для себя и семьи дачу и сторожку (дачку в миниатюре). Леонов построил два дома, себе и дочерям, за свои кровные, а Смирнов — себе в собственность, за литфондовские средства. По молве — верна ли она, не проверял — Смирнов взял у Президиума Литфонда СССР возвратную ссуду в сто тысяч рублей.

После возвращения Александра Александровича Фадеева к должности Василий Смирнов возглавил первый новый журнал «Дружба народов». Посвящая себя многообразным писательским делам, Василий Александрович не печатался, потому, дескать, и попросил перевести возвратную ссуду в разряд безвозвратной. Президиум не отказал ему, да и нездоровилось Смирнову. Когда А. С. Т. инспектировал улицу Серафимовича по поручению своего сатанинского величия, он обминул участок и дачу Смирнова, уже почившего в бозе, по каким-то скрытым от меня и переделкинскому населению причинам. Они, дача и сторожка, выручают наследников Смирнова от материальных негодий — сдаются. Но совсем недавно наследники продали их.

Скользя верхоглядски по усадьбе Леонида Леонова, кое-что Ткаченко все-таки заметил там: «Голубую аянскую ель, кедр, маньчжурский орех и бархатное дерево из далекого Приморья. Однако самое грандиозное не заметил: лирические сосны; и, удивительно, гротесково, уродливо, склонный к непризнаниям, признал: «...автор «Русского леса» знал растительность не только России, но и других стран».

Очнулся, думаешь, инквизитор прославленной улицы, чтобы говорить о здравии. О, действительно: «Человек он был, конечно же, незаурядный, с твердой волей и еще более твердой целью. В свои двадцать пять лет, едва выйдя из юношеского возраста, он так сказал о себе: не пью, не курю, женат, не падок до женщин, потому проживу долго. Тогда же, говорят, он заявил: стану классиком русской литературы».

Лучший писатель XX века

Пытающийся растоптать роман-огромину «Дорога на Океан», А. С. Т. ободрал для «высказывания о себе» Леонида Леонова, которое дано чуть выше, начало главы «Аркадий Гермогенович и его начинка»: «Все знавшие лично Аркадия Гермогеновича единодушно относили его редкое долготеление за счет разумной

воздержанности. Он не пил, не курил, и, следуя римским рецептам долготеления, не волновался никогда. Железное здоровье гнездилось в этом подсушенном организме. Не слышно было также, чтобы в молодости он изнурял себя любовью».

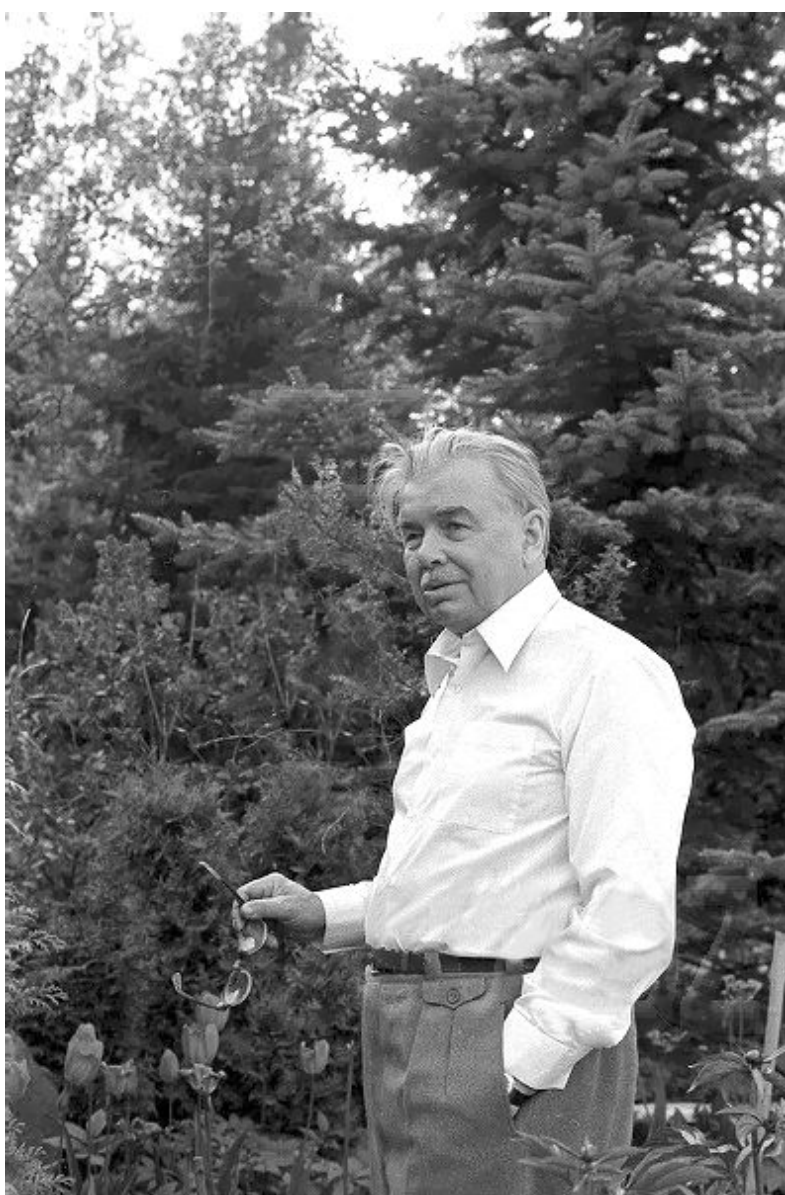
Оставаться в заздравных пределах — чего из-за прокрустовской своей природы не позволял себе Ткаченко, — коими начал: «Эта программа-максимум Леонидом Максимовичем выполнена. Прожил он девяносто четыре года, стал классиком, если не русской, огромной литературы, то уж советской — наверняка».

Слишком мало времени миновало со времени ухода Леонида Леонова, дабы устанавливать, каким классиком он стал. Михаил Шолохов называл его лучшим писателем XX века, то есть классиком мировой литературы. Подвергнуть несправедливости грандиозное определение классика мировой литературы, данное другому гиганту-прозаику, было бы кощунственно. Обыкновенно титаны одного поколения не шибко величальны по отношению друг к другу, тем более творцы небесного масштаба. Я не склонен к тому, чтобы в XX веке кого-то из писателей вышних особо выделять, кроме Льва Толстого, которого составитель литературных энциклопедий Александр Николаев даже не ввел в XX век. Выделить — здесь обеднить. Мое мнение: Михаил Шолохов стоит вровень с Иваном Буниным, Леонидом Леоновым, а также с Антоном Чеховым, Максимом Горьким, Леонидом Андреевым, Андреем Платоновым...

Пережил генсека

«И вел себя Леонид Леонов во все советское время, пережив всех генсеков (но не Михаила Горбачева: этот прощелыга до сих пор благоденствует. — Н. В.), ну, скажем так, не худшим образом, хотя и приходилось приспособляться, иначе не бывать бы ему депутатом Верховного Совета, и не единожды. К его чести, где-то в конце 70-х он попросил не переизбирать его в высший орган власти, сославшись на недомогание, занятость большим романом, а близким сказал, что все равно я там ни на что не влияю, ничего не могу». И опять кощунство: «вел себя не худшим образом». Вел себя достойно, благородно, смело, заботясь о народе, его жизни и природных сокровищах; о том, что ему, якобы, «приходилось приспособляться» — грязный навет: никем из литераторов и огромной массы своих читателей он не был обвинен даже в безобидной беспринципности, в ретушировании собственных взглядов, противоположных официальным. С такой снисходительной подлостью о писателе, гражданине, мыслителе, который жил с великой нравственной чистотой и самопожертвенностью во имя русского народа, советских и всеземных народов, мог отзывать лишь постыдный невежда, которому не дано понять, что на протяжении всей истории человечества, при любых формациях, были люди-исполины, кто сохранял независимость перед любым режимом и не склонял головы ни перед кем из правителей, даже тиранов.

«Жил затворнически, молодых дарований принимать не любил». Без-

Леонид Леонов знал растительный мир не только России, но и других стран

застенчиво упражняясь в говорении чохом, А. С. Т. помнить не помнит, что бытие титанического человека, тем более советской эпохи, не может быть единообразным. Выход в свет изумительного романа «Барсуки» был восторженно встречен Алексеем Максимовичем Горьким, за чем последовало приглашение Леонида Леонова на Капри, а было ему всего-навсего двадцать пять лет, что, конечно же, озарило его отношение к молодым не-

гаσιμο. Он вел семинар прозаиков в Литературном институте (недавно один из его тогдашних учеников, Николай Евдокимов, выдал том рассказов и повестей редчайшей художественной красоты и значимости. — Н. В.), выступал на Всесоюзных совещаниях молодых писателей. После Третьего Всесоюзного совещания мне посчастливилось слушать Леонида Максимовича, запали в мое сознание его спасительные для молодых афоризмы: «Нельзя мозг торпедировать алкоголем», «Каждую собственную вещь надо продувать в аэродинамических трубах разума»...

Да, о молодых дарованиях: «Кое-кому удалось все-таки прорваться в его переделкинский дом». Лично я не

слыхал о тех начинающих, кто прорывался к нему. Но я знал студента Литературного института Бориса Каурова, с коим Леонид Максимович сам захотел познакомиться. Борис попался в Переделкинском пруду с округлого полуострова, откуда просматривалась весь пруд целиком и лес помещиков Самариных, состоящий из гигантских лиственниц, дубов, лип. Там же, на полуострове, Борис загорал. Вдруг слышит шаги. Ба, великий Леонов! И не где-нибудь разделся, а рядом с ним. Трижды окунулся — и тоже загорать. Сам заговорил с Борисом, попросил почитать рассказы. В назначенный день пригласил к обеду, подверг рассказы разному рассмотрению: от звукописи до архитектоники. Один рассказ оставил, чтобы предложить журналу «Молодая гвардия». Рассказ напечатали. Что удивило меня: широкодушная эйфория, возникшая в среде молодых, хотя такую благородную щедрость давно, из года в год, проявлял Константин Георгиевич Паустовский.

Знаменитый классик

Избрание Леонида Максимовича Леонова в Верховный Совет СССР представляет Ткаченко как результат приспособленчества, который обнаруживал якобы наш советский классик. В действительности это избрание было результатом знаменитости Леонида Леонова: писательской,

гражданской, духовно-мыслительной. Было тогда направление у руководства партии: вводить в правящий орган самых выдающихся людей разных слоев и занятий. Те, кого выдвигали в депутаты, в абсолютном большинстве были знаемы в стране. Теперь и Дума, и Правительство — органы по большинству безымянных или обыкновенных человек, что для той поры было бы невероятно. Знанием литературы, искусства, культуры вообще выделялись отдельные члены Политбюро: Косыгин Алексей Николаевич, председатель Совета Министров СССР (он дружил с председателем Союза писателей СССР Фединым Константином Александровичем); первый заместитель председателя Совета Министров СССР Полянский Дмитрий Степанович, на редкость проникновенно читал взгляды на сельское хозяйство писателя Можая Бориса Андреевича, устраивал у себя в кабинете собеседование с ним в присутствии десятка-полутора общесоюзных министров... Так что Верховный Совет страны подпитывался замечательными личностями различных занятий и народов. Крупные деятели от государства и партии, кто готовил списки кандидатов в депутаты, не ограничивались с этой целью подбором чиновничества своей среды: картина присутствия депутатов в Верховном Совете СССР всемерно отражала все слои народа и, в том числе, представителей литературы и искусства. Нет сомнения, предусматривался расчет на общность взглядов, на складистое отношение к директивам Центрального Комитета КПСС и правительства, но и не исключалась самостоятельность в социально-исторических, национальных основах деятелей культуры и науки, направленная на процветание Отечества. Над всеми созидательными направлениями в стране, к сожалению, первенствовала политика. Победу в Великой Отечественной войне с европейским фашизмом, возглавляемым гитлеровской Германией, одержали, прежде всего, русский народ и Великая Русь. Трагическая количественно убыль русских, разорение их деревни, городов, урон, нанесенный их природе, требовали восстановления русского населения, его хозяйства, среды обитания, кладовых природы. Хотя Сталин выделил героическую самопожертвенную роль русского народа в своем тосте на приеме в честь Победы над фашистской Германией, подвижничество нашего народа продолжало эксплуатироваться властимущим официозом: Сталин и Берия отменили сельхозналоги в Грузии, зато надрывали налогами другие республики, и в первую голову — РСФСР. Леонид Максимович Леонов вел великую битву в Верховном Совете СССР за возрождение русского народа, за его сохранение и благополучие. Чтобы выиграть эту жизненно важную для Родины битву, он создал роман «Русский лес». Лес — олицетворение русского народа, главные герои — антиподы: Вихров — обобщенный образ русского народа, Грацианский — образ племенного сообщества, паразитирующего на русском народе и его природных богатствах. Ленинская премия, полученная Леонидом Леоновым за «Русский лес», — показатель державного понимания тревог и забот нашего национального писателя.

Продолжение следует

> Роман «Русский лес» — показатель державного понимания тревог и забот нашего национального писателя